

ЛЮДИ ИСКУССТВА
**ВСЕГДА
В ПОИСКЕ**

...За зданием школы — большой пустырь. В конце него, перед деревьями, — высокий, гибкий человек. Он весь в движении, иной раз кажется, что вот-вот улетит с земли в голубое небо. То громкопообен его голос, то становится глухим, то вкрадчив, то звонок, то гневен, то нежен. Кто это? Соседи знают: это Хашим Гадов репетирует роли. Ему тесно в городской квартире. Ему нужен простор — театра, гор, долин, высоты.

— Я много слышал о легендарных трагиках, много читал о них, но только сегодня, посмотрев «Эдипа» на таджикской сцене, где в главной роли Хашим Гадов, увидел великого трагика, — сказал Кирилл Лавров, известный актер, председатель правления Союза театральных деятелей СССР...

А все началось с того, что в кишлаке Парвор, недалеко от Куляба, таджикский мальчик впервые увидел автомобиль, который представился ему драконом, изрыгающим пламя. Любопытство оказалось сильнее испуга, и он, в отличие от других ребят, не убежал. И водитель, подарив ему кусок хлеба, какого он никогда не видел, сказал: «До свидания, храбрый мальчик!». Русский стал вскоре вторым языком Хашима. А храбрость помогала ему взбираться на высоты — и памирских гор, и искусства, полного препятствий, горечи, и труднодостижимых радостей.

Как-то в Куляб прибыла комиссия, искавшая талантливых юношей для театра. Отбираемые проходили испытания. Задали этюд: пройти по камням воображаемую речку и не намочить обуви. Спрыгнув с дерева, которое было у него наблюдательным пунктом, Хашим показал, как это делать, и был принят в слушатели ГИТИСа. Так ему открылся «мир большого познания». И вот уже более четверти века Хашим Гадов на сцене.

Роли, роли, роли! Десятки ролей, годы напряженной работы, приведшие артиста Гадова к Государственной премии СССР, к завоеванию вместе с коллективом театра — одним из первых — сцены Московского театра дружбы народов, к званию народного артиста СССР.

Актер Гадов бесстрашен. И, может быть, именно потому в самых сложных ситуациях он побеждает. Он тяготеет к вершинам мировой драматургии, к ролям, которые исполнялись прославленными его предшественниками: он Несчастливцев в «Лесе» Островского на сцене русского театра, Фердинанд в шиллеровском «Коварстве и любви». Актер-трагик, он берет за роль Хлестакова в комедии Гоголя. И, наконец, Гамлет и Эдип.

В равной мере Хашим Гадов значителен и в театре, и в кино, причем в мире каждого из этих искусств прожил десятки, если не сотни жизней. Запомнился Гадов — Сухроб, в основе образа которого лежит творение великого Фирдоуси. За исполнение этой роли он был отмечен республиканской премией им. А. Рудаки.

Во всех спектаклях, где в главной роли Хашим Гадов, на сцене личность — сильная, яркая, Фердинанд, Несчастливцев, Гамлет, Эдип — все это натуры страстные, их самовыражение — в борениях, в метаниях, в победе добра над злом, достигаемой ценой жизни, страданий, потерь. И когда Эдип-Гадов вершит над собой страшный суд, то это тоже форма утверждения личности, победы над самим собой.

Гадов считает, что для настоящего актера не должно быть никаких скидок, и поэтому уделяет опомное внимание своей физической подготовке: он и теннисист, и велосипедист, и всадник, и пловец. Никакая роль не застывает его врасплох. Он фанатик искусства, весь в теат-

ре и весь для театра. Ему не нужны каскадеры, дублеры, он хочет все сам, не согласен ни на какие компромиссы. Гадов весь в шрамах, в рубцах — и в прямом, и в переносном смысле. В нем нет ничего обтекаемого — ни в его атлетической, высокой, худощавой фигуре, ни в лице, как бы высушенном режиссером.

На виске у Хашима Гадова шрам: стрела, пущенная во время съемок кинофильма «Рустам и Сухроб», едва не лишила его глаза.

Отказавшись от каскадера при постановке кинокартины «Свет погасших костров», он чуть не погиб: на всем скаку, со связанными руками, преследуемый врагами, он должен был вырваться из петли, брошенной на него. Лошадь понесла к пропасти, петля оказалась сильно затянутой. Сброшенный на землю, Гадов отчаянным усилием высвободил руку, достал нож и разрезал веревку. На его глазах лошадь рухнула в пропасть...

При съемках таджикского телевизионного фильма «Беглец» Гадов должен был спрыгнуть с летящего стремглав коня и вбежать во двор. Во время прыжка его ноги были разрезаны острыми камнями. Забинтованные, они горели, но на следующий день Гадов был с утра на съемочной площадке. Таких эпизодов в его творческой биографии немало.

Когда разговариваешь с Хашимом, то чувствуешь, что его мысли далеко, где-то в мире его ролей, его героев. Трудно? Да, разумеется. Но, наоборот, такая яростная одержимость необходима в творчестве, в реализации таланта. Но талант окажется бесплодным, если к нему не будет приложена работа ума и души. В случае Хашима Гадова слагаемыми таланта, кроме высокой степени одаренности, являются, несомненно, неистовый, нередко изнурительный труд, одержимость, воля, вера в свое призвание.

Приближение к образ во всем его богатстве, в развитии — одно из достоинств или, точнее, одна из основных черт дарования Хашима Гадова. Играя Хлестакова, он приходил за несколько часов

до спектакля, садился в неосвещенной комнате, думал, чувствовал, жил, был, точнее — становился Хлестаковым.

Гадовский Хлестаков — жалкий, смешной и одновременно трагический, бесспорно занимает важное место в ряду исполнителей этой роли. Новаторское ее прочтение определяется отнюдь не тем, что играет актер трагический. Гадову-актеру, столь богатому по разнообразию творческому диапазону, подвластны также и буффонада, и гротеск. Но он вполне сознательно наделяет своего Хлестакова трагическими чертами. Современные Хлестаковы поумнее и пообразованнее тех, что были в гоголевские времена, и характер их действенной иной. И современные «ревизоры» куда страшнее, и это не может не быть трагедией для общества.

Когда обращаешься к созданным Гадовым образам Гамлета и Эдипа, особенно ощущаешь, что он рвется к вершинам. Есть нечто символическое в том, что горец, проживший суровое детство и юность, стремится одолеть наибольшие высоты в искусстве, где фальшь сразу же ведет к гибели. «Кто высоко стоит, тот знает грозы и, падая, ломается в куски», — писал Шекспир. Гадов это знает, но ему ли бояться высоты, опасаться паденья!

— Мне кажется, я готовился к Гамлету всю жизнь, — рассказывает Гадов. — Еще в ГИТИСе я выступил в этой роли, исполняя отрывок из трагедии. Но чтобы исполнить роль Гамлета, нужно прожить по крайней мере часть жизни...

И это время пришло: артист создал своего Гамлета, человека бурных страстей, гуманиста, борца со злом, страдающего от того, что «порвалась связь времен». И не отказывается от мечты поставить «Гамлета» самому.

В постановке «Эдипа» Гадов, отказавшись от эпитета «царь», стоящего в названии пьесы Софокла, стремится подчеркнуть общечеловечность изображаемого им конфликта и героя. Двадцать лет борьбы за спектакль придали еще большую силу трагическому звучанию постановки: к этой вершине он шел не по

чистому полю, а по горам и скалам, борясь с непониманием, косностью, рутинной.

В начале спектакля Гадов-Эдип полон сознания собственного величия — герой, спасший в свое время город Фивы. Он не отдален от народа ни надменностью, ни чванством, ни своим высоким положением. Он по-своему демократичен, говоря современным языком, и именно потому возлагает на себя ответственность за судьбу государства и народа, который избрал его своим правителем.

Гадовский Эдип — человек, на котором всегда лежит бремя ответственности за благополучие народа и близких, за свои поступки; он не склонен отнестись свою вину только на предопределение, к которому приговорен богами. Чувство ответственности требует нравственности. Обе эти проблемы — ответственность человека за свои поступки и проступки, его нравственность, тяготение к компромиссу, то есть к сделке с совестью, — это проблемы не только античности, когда создавалась трагедия Софокла, но и нашего времени.

Беседуя с Гадовым, убеждаемся в том, насколько глубоко продумана и прочувствована каждая сцена, каждый эпизод.

— Хашим, в чем сложность роли Иокасты? Ее задача в решении всего спектакля?

Ответ был дан со свойственной Гадову горячностью, запальчивостью, с покоряющей своей силой убежденностью:

— Поймите, она должна сыграть не только жену, женщину, которая невольно совершила ужасное преступление. Иокаста еще должна пережить — доказать! — материнское сострадание к Эдипу, который оказался ее сыном...

Есть нечто знаменательное в том, что почти одновременно начались у нас в стране показы фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» и спектакля «Эдип» в театре имени Лахути. Наше общество созрело для того, чтобы осудить безнравственность, чтобы обратиться к возвышенности совести, милосердия, благородства, чтобы призвать людей к обличению зла, а если нужно, то и к саморобличению. Все это для утверждения самых возвышенных принципов не в декларациях, а в действиях, в воспитании всего лучшего в себе самом, в детях наших.

Гадов как режиссер и актер общечеловечен, и вместе с тем он национален. И об этом говорит каждый эпизод замечательного спектакля, а более всего одна из конечных сцен. Среди самых сильных и добрых чувств в таджикском народе — забота о детях и любовь к ним. Что будет с детьми? Вот что более всего волнует Эдипа-Гадова.

Эта сцена, придуманная режиссером, вводит нас в сегодняшний мир, когда так нелегко человеку, нелегко отцу, когда будущее детей неизвестно, ибо мир стоит перед возможностью катастрофы.

В этом спектакле все современно: хотели того или не хотели режиссер спектакля и исполнитель главной роли, они ведут зрителей к мысли о том, что нельзя предаваться воле судьбы, надо нам самим бороться за нравственное очищение и спасение этого мира.

...Снова и снова смотрю «Эдипа». И думаю: к каким новым художественным высотам будет стремиться этот дерзновенный артист теперь? Кто он будет завтра? Его давняя мечта — Спартак? Дон-Кихот? Прометей? Казалось бы, все достигнуто: завоевал широкое признание, получил высшие премии и звания. Можно отдохнуть. Но это не для него. Хашим Гадов всегда в поисках, всегда в пути, всегда по думам и страстям наш современник.

А. ГОРДОН.
Фото Ю. МАШКОВА.